

К.П. Орешин

Державин и его время

Дворцовые перевороты совершаются без участия народа. Так было и в 1762 году. К заговору офицеров-гвардейцев, недовольных правлением Петра Третьего, присоединились две молодые женщины: супруга императора и ее восторженная приверженка княгиня Дашкова. Все события, связанные со сменой власти в России, произошли в пределах Санкт-Петербурга. Утром 28 июня по старому стилю будущая императрица посетила Измайловские казармы, подняла солдат и направилась в Семеновский полк, заранее подготовленный к выступлению. По Невскому проспекту воинские части подошли к Казанскому собору, перед которым выстроились конногвардейцы и мушкетеры Преображенского полка.

— Долой Петра Третьего! – кричали преображенцы.

— Не станем воевать за его Гольштинию!

— В датский поход идти не желаем!

— Офицерам-гольштинцам не подчиняемся!

Недовольство имело серьезные причины. Только что отгремела Семилетняя война, в ходе которой был взят Берлин и потерпела поражение армия Фридриха Второго, а Петр Третий, не просидев на троне и года, пошел на уступки прусскому королю, окружил себя офицерами из гольштинцев и уже готовил поход за интересы Германии.

Молодая царица руку над взволнованными рядами простерла и будто масла в огонь плеснула:

— Снимайте мундиры прусские, носите русские!

Что тут со старыми служаками сделалось! Недаром в их сундучках бережно хранились темно-зеленые мундиры, введенные Петром Первым, о котором из уст в уста передавались легенды.

— Теперь и прусской муштре конец! – слышались голоса.

— Да здравствует матушка государыня!

К пехоте и конногвардейцам примкнули подоспевшие артиллеристы; все вместе двинулись к Зимнему дворцу. Ошеломленные неожиданностью переворота, сановники сената и синода наспех составили манифест, нарекли новую императрицу Екатериной Второй, и войска были приведены к присяге.

Императрица и ее неразлучная подруга княгиня Дашкова переоделись в офицерские мундиры, сели на боевых коней, обнажили шпаги.

— Вперед, на штурм Петергофа!

Но сражения с малочисленными защитниками царской резиденции не произошло. При первом известии о приближении гвардейских частей Петр Третий понял всю бесполезность сопротивления и отрекся.

В водоворот этих событий, за которыми последовало тридцатичетырехлетнее правление Екатерины Второй, был вовлечен и безвестный в ту пору мушкетер Преображенского полка Гаврила Романович Державин. Он тоже кричал «ура» новоявленной государыне, подбрасывал вверх свою треуголку и любовался горделивой осанкой княгини Дашковой, но лично ему никаких изменений к лучшему переворот не принес. Изменился покрой мундира, а царская служба осталась нелегкой по-прежнему.

Единственную настоящую радость доставляло Державину доверие солдат, которые уважали однополчанина за честность, прямоту и отвагу. Среди них почти вовсе не было грамотных, а Державин охотно читал полученные ими вести из деревень, писал ответные послания со множеством поклонов родным и знакомым, помогал разумным товарищеским советом.

Этот широкоплечий, всегда подтянутый строевик с понятливым, но не назойливым взглядом светлых глаз отменно знал солдатскую службу. Однажды он едва не замерз на ледяном январском ветру, но поста не покинул, дождался смены. Жил он в те годы, с хлеба на квас перебиваясь. Отец его, небогатый казанский помещик из самых захудалых, хотя и умер полковником в отставке, но ничего, кроме долгов, семье не оставил, и вдова воспитывала детей на медные деньги. К выходцам из таких семей родовитая гвардейская знать относилась пренебрежительно. Начав службу с рядового солдата, Державин дольше других дождался очередного повышения.

Однажды командир направил его с бумагами на квартиру к офицеру Козловскому, а у того друзья собрались и слушали, как офицер, человек роду княжеского, читал им свое произведение — пьесу в стихах. Вручил Державин казенные бумаги и остановился у двери, стихи послушать хотел. Князь Козловский обернулся к нему, чтение прервал:

— Что ты, братец, зеваешь? Ступай себе вон. Ведь ты все равно ничего не смыслишь.

Выпрямился солдат, повернулся, щелкнув каблуками, как по форме положено, и вышел. А когда возвратился в казарму, еще в помещение войти не успел, через двор услышал: песню его, им самим написанную песню, солдаты поют. Да как поют-то! Лихо, с присвистом молодецким, с притопом, аж стекла в низеньких окошках гремят! «Нет, господин Козловский, — усмехнулся двадцатилетний гвардеец, — в стихах я, пожалуй, кое-что смыслю!»

Но серьезного значения ранним своим стихам Державин не придавал. Писались они в свободное от дежурства время в тесной казарме, ночью, при свете луны или свечного огарка. Да и что это были за стихи? Сослуживцам запомнилось, что сочинил их товарищ похвальную песенку солдатской дочери Наташе, жившей с семьей неподалеку, да brave куплеты о каждом из гвардейских полков, мгновенно подхваченные солдатами. Конечно, и для таких сочинений требовалась немалая по тем временам грамотность, любовь к родному русскому слову.

С каким запасом знаний прибыл в полк молодой Державин? После домашней подготовки, весьма поверхностной, он был отдан в казанскую гимназию, где считался одним из лучших учеников. И хотя дворянских детей обучали прежде всего фехтованию, музыке и танцам, Державин вполне основательно овладел и русской грамматикой, и немецким языком, что позволило ему читать произведения иностранных писателей в подлинниках и в переводах, сделанных не только в России, но и в Германии. Гимназия познакомила юношу и с правилами русского стихосложения, установленными Михаилом Васильевичем Ломоносовым.

Ломоносов! Вот кто стал для Державина подлинным образцом стихотворца! Служа в Преображенском полку, молодой поэт пробовал создавать оды, подобные ломоносовским, но следовать поэтическим правилам Ломоносова было не так-то просто: в возвышенный слог произведения, посвященного торжественному событию или коронованной особе, у Державина то и дело врывались разговорные словечки солдатского обихода, и требуемый для оды «высокий штиль» распадался. Лишь очень немногое из первых своих стихов поэт сохранил в памяти и позже частично восстановил.

* * *

Не безмятежным оказалось правление новой императрицы. Возведенная на престол дворянской гвардией, Екатерина Вторая заботилась только об интересах помещиков. По всей России вспыхивали восстания крепостных крестьян, возмущенных самоуправством господ, а летом 1773 года началась Крестьянская война, возглавленная Емельяном Ивановичем Пугачевым. История не знавала столь мощного движения обездоленных, поднявшихся на борьбу со своими угнетателями. К уральским казакам и русскому крестьянству Поволжья примкнули поработанные царизмом башкиры, мордва, татары, чувашаи,

марийцы, калмыки. Пугачевцы захватили степные станицы и заводы Урала, сожгли Казань, заняли города Самару, Саранск, Пензу, Саратов. Не довелось бессмертному Емельяну осуществить задуманный поход на Москву: черная измена богатых казаков довершила разгром повстанцев. Но грозная буря 1773–1775 годов оставила глубочайший след в русской общественной жизни.

Дыхание этой бури ощутил и Гаврила Романович Державин. Произведенный к этому времени в офицеры, он, желая отличиться, отправился на подавление пугачевского восстания.

Через полвека, работая над повестью «Капитанская дочка», Александр Сергеевич Пушкин тщательно изучил исторические материалы, относящиеся к молодому Державину. Возможно, что именно державинские черты характера — честность, храбрость и откровенность — нашли свое отражение в образе Петра Гринева; только душевных бесед у Державина с Пугачевым не было, а встреча с вождем повстанцев носила далеко не мирный характер. 4 августа 1774 года Державин выехал с конной сотней из Саратова в недалекий Петровск, полагая, что город еще не занят. Но разведчики войска народного, уже находившегося в Петровске, не дремали. Сам Пугачев пожелал принять участие в ловле екатерининского офицера, и уж тут «его благородию» пришлось попроворней уносить ноги. Несколько верст преследовал его в чистом поле чернобородый великан с занесенным копьем в руке. С поредевшим отрядом поручик возвратился в Саратов и, конечно, не позабыл о лишней мере овса для своего породистого белого рысака. А гнедую кобылку офицерского денщика кормили в тот вечер пугачевцы...

Видя повсеместную тягу крестьян к своему вождю и заступнику — Пугачеву, вникая в трагические условия их каждодневного быта, Державин, быть может, впервые в жизни по-настоящему глубоко задумался. Здесь, на Волге, он воочию заглянул в беспросветную бездну людского горя. Продолжительное общение с крестьянами привело Державина к выводам, которыми он, со свойственной ему прямоотой, поделился в письме на имя казанского губернатора:

«Должно прекратить чудовищное ограбление или, выражаясь определеннее, постоянные денежные поборы, отнимающие у людей последние силы... Насколько я замечаю, эти поборы вызывают сильнейший ропот, ибо простых людей грабит всякий, кто хоть сколько-нибудь соприкасается с ними».

Помимо этих строк, написанных из предосторожности по-немецки, Державин оставил ряд документов, красноречиво говорящих о том, как значительно было для него пережитое в те грозные годы. Гвардии офицер все чаще уступал в его душе место поэту. Строже, отчетливее стал слог его стиха, углубилась озабоченность судьбами родимой земли, непримиримее стало отношение ко всякому беззаконию и чиновному произволу. Воспитанный в обычаях и нравах дворянства, Державин не видел великой исторической правды в Крестьянской войне, казавшейся ему бесцельным разрушительным бунтом. Пройдет много лет, и неизвестный почитатель его поэтического таланта пришлет Державину книгу своего сочинения «Путешествие из Петербурга в Москву», но и этот подарок не приблизит поэта к революционному мировоззрению, основоположником которого стал в России Александр Николаевич Радищев.

Поэт никогда не изменял своим монархическим убеждениям, но уже в годы борьбы с Пугачевым у Державина сложилось свое мнение о язвах и пороках тогдашнего строя. Но, видя барский произвол и беззакония, он никогда не доходил до мыслей о пользе серьезных перемен и все надежды возлагал на просвещенную монархию. В своей «Оде на день рождения ее величества, сочиненной во время войны и бунта 1774 года», Державин призывал Екатерину Вторую быть милосердной к восставшим. Если императрица будет править кротко и справедливо, писал поэт,

Тогда ни вран на трупе жить,
Ни волки течь к телам стадами

Не будут, насыщаясь нами,
За снедь царей благодарить;
Не будут жатвы по плененны,
Не будут села по плененны,
Не пролет Пугачев кровей...

* * *

Возвратясь из Поволжья в Санкт-Петербург, Державин вышел в отставку с гражданским чином коллежского советника и вскоре поступил на службу в департамент сената. Деятельный характер и природная одаренность Гаврилы Романовича не замедлили проявиться на новом поприще. Через несколько лет он уже действительный статский советник, что соответствовало военному званию генерала, а в 1784 году — правитель Олонецкой губернии. Русский Север не видывал столь необычного губернатора, который мог оседлать коня и лесной глухоманью, бездорожною тундрой добираться до самых отдаленных поселков, чтобы вскрыть злоупотребления местного начальства, облегчить налоговое бремя крестьян, схватить за руку чиновника-лихоимца. По Онежскому озеру, по грозному в непогоду Белому морю губернатор бесстрашно отправлялся в путь на рыбацкой лодке, помогая гребцам в часы опасности. В одну из своих поездок Гаврила Романович посетил Кончезерский завод на реке Суне и навсегда запомнил окрестные берега, грохот вод, ниспадающих с высоты. Через несколько лет поэт воскресил эти воспоминания в оде «Водопад», названной Александром Сергеевичем Пушкиным «лучшим произведением Державина».

Порой возмужания державинского таланта следует считать конец семидесятых годов, когда в столичной печати появились первые оды, отмеченные зрелостью мастерства, глубиной мысли и чувства. Заслуженную оценку они получили не сразу. Гаврила Романович не предполагал, что одна из его од, написанных в манере простой и непринужденной, привлечет всеобщее внимание к ее автору. Название оды — «Фелица» — поэт позаимствовал из нравоучительного произведения Екатерины Второй «Сказка о царевиче Хлоре». Под его пером фантастическая «царевна киргиз-кайсацкия орды» превратилась в идеал просвещенной правительницы, матери народа, которую он хотел бы видеть в лице императрицы. Успех оды был делом случая. Близкие друзья Державина выпросили у поэта рукопись, сняли несколько копий и распространили в читающем обществе. Людям неглупым, открытым ода нравилась; у придворных ханжей она вызывала возмущение. Обсуждалась «Фелица» и в стенах Академии наук.

— Помилуйте! — ужаснулся один из ученых мужей. — Автор берется поучать саму государыню!

— Да это просто крамола! — поднял брови другой — видный вельможа, чьих научных трудов никто не видел.

— А мне стихи решительно нравятся, — возразила Екатерина Романовна Дашкова, давняя подруга императрицы, ставшая президентом академии.

Женщина образованная и начитанная, княгиня Екатерина Романовна поняла и по достоинству оценила сатирическую направленность оды.

— Нет, вы только послушайте, что он тут пишет! — воскликнула княгиня, развернув рукопись:

А я, проспавши до полудни,
Курю табак и кофе пью;
Преображая в праздник будни,
Кружу в химерах мысль мою...

— Сущую правду изволили заметить, — льстиво согласился вельможа, узревший в стихах «крамолу». — Автор и себя порицает, от первого лица, так сказать...

— Как сказать, — последовало в ответ. — По-моему, здесь речь идет не о ком другом, как о светлейшем князе Потемкине. Да это же его портрет, вылитый!

Потемкина Екатерина Романовна недолюбливала. Опешив от такой неслыханной дерзости стихотворца, вельможа развел руками.

— А кто же тогда «мурза», «лентяй» и «брюзга», о коих в оде упоминается? — спросил он в полной растерянности.

Княгиня лукаво улыбнулась и заговорщически приблизила лицо к напудренному парикю царедворца.

— Вы хорошенько посмотрите вокруг себя — нет ли кого похожего?..

В 1783 году ода «Фелица» была напечатана в основанном княгиней Дашковой Журнале «Собеседник любителей русского слова». Ода получила «высочайшее одобрение», и перед Державиным открылась дорога литературной и политической деятельности во имя интересов дворянской империи.

Разумеется, встречались и на этой дороге трудности, но то были трудности не безвестного солдата или чиновника, а олонецкого, тамбовского губернатора, затем — государственного секретаря и министра юстиции. «Будь на троне человек!» — призывал Державин царей, и к чести поэта следует сказать, что сам он искренне стремился остаться человеком на высоких постах, которые занимал. А это было в его эпоху наиболее трудным. Быть человеком означало для Державина «змеей пред троном не сгибаться, стоять — и правду говорить»; быть человеком означало для него уважать человеческое достоинство в каждом, чья судьба зависела от решений государственного сановника.

Когда в сенате рассматривалось дело польских патриотов, обвиненных в заговоре против царизма, Державин обратился к директору Тайной канцелярии с вопросом:

— Виноваты ли были Пожарский, Минин и Палицын, что они, желая избавить Россию от рабства польского, учредили между собою союз и свергли с себя иностранное иго?

Российский обер-палач окинул поэта настороженным взглядом.

— Нет, — сухо ответил он. — Они не токмо не виноваты, но всякой похвалы достойны.

— Почему же, — с жаром атаковал его Гаврила Романович, — почему же так строго обвиняются сии несчастные, что они имели некоторые между собою разговоры о спасении от нашего владения своего отечества?

Это столкновение имело неприятные последствия для Державина, но участь Польских патриотов была облегчена.

Укрытие от бурь, связанных с неприятностями на службе, Державин обретал в уединенных радостях личной жизни. Гаврила Романович счастливо женился, отстроил себе особняк на Фонтанке, а когда — к великому горю своему — овдовел, через некоторое время женился вторично — и снова счастливо. Купил заброшенное имение «Званка» в живописнейшей местности на берегу Волхова. Пошучивал:

Здесь царство комарье,
Царица в нем Дарья.

Это о второй супруге своей Дарье Александровне, женщине домовитой, хлопотунье, красавице писаной, воспетой им в стихах под именем Милены. Поэзия Державина расцвела. Он пишет послания к своим друзьям и врагам, бичует произвол и беззаконие знати, создает обаятельнейшие портреты российских граций. В его стихах на философские темы обнаруживается неизбежная для того времени дань религии. Более всего вдохновляли Державина блестящие победы и слава русского оружия. С волнением сердца следя за событиями русско-турецкой войны 1787–1791 годов, он воспел штурм Очакова и взятие Измаила — героические подвиги суворовских пехотинцев, сражавшихся в тесном взаимодействии с матросами адмирала Ушакова. Пламенной одой откликнулся Державин на беспримерный переход русских войск через Альпийские горы. В стремительном движении запечатлен в этой оде образ неукротимого «северного орла» — великого русского полководца Александра Васильевича Суворова. Теме военно-патриотической

поэт оставался верен всю свою жизнь, и дороги были для него дружеские встречи с Суворовым, лестно было получить благодарственное письмо за подпись князя Кутузова-Смоленского.

Крепко помнил Гаврила Романович и о друзьях молодости, товарищах по казарме, простых крепостных крестьянах, служба которых в армии была пожизненной. Среди многих современных ему одописцев Державин оказался единственным, в чьих стихах были горячо воспеты «русски храбрые солдаты, в свете первые бойцы».

Читая Державина, мы убеждаемся в том, что русская поэзия уже у самых своих истоков была поэзией жизнеутверждающей, прочно связанной с заботами своего времени. Ее художественная образность под стать размаху русских просторов, огромности исторических потрясений, пережитых Россией. «Алмазной горою» предстает в стихах Державина водопад, «в тяжелой колеснице грома» надвигается мощная гроза, извержению вулкана подобна неотразимая атака суворовских войск.

Унаследовав от Ломоносова гражданский пафос и широту поэтического кругозора, Державин обогатил оду сочетанием возвышенного слога с лирикой и сатирой, ввел в поэзию сельский и городской пейзаж, а прекрасное сумел увидеть в обыденном.

Вокруг вся область почивала,
Петрополь с башнями дремал,
Нева из урны чуть мелькала,
Чуть Бельт в брегах своих сверкал...

В этих строках «Видения мурзы» взгляд русского поэта впервые окинул город, позже воспетый Пушкиным на страницах «Медного всадника». И многое довелось Державину сделать достоянием русского стиха впервые. Только восемь строк в стихотворении «Портрет Варюши», но образ девушки возникает перед глазами, как «милая заря весення», как «тихий свет и огонь живой». А ведь это едва ли не самый ранний девичий образ в отечественной литературе, которая порадовала читателей знакомством и с пушкинской Татьяной, и с Наташей в «Войне и мире» Толстого.

Вот стихотворение, состоящее всего из двух строк:

Старинный слог его достоинств не умалит.
Порок, не подходи! Сей взор тебя ужалит.

Эти выразительные, скупко отобранные слова воссоздают перед нами одухотворенные черты первого русского сатирика Антиоха Дмитриевича Кантемира, но это и один из первых реалистических портретов, созданных русским стихотворцем.

Есть в поэтическом арсенале Державина и едкая насмешка над раздувшимися от спеси вельможами, и бойкие ритмы «Камаринской», бьющей по «горе-богатырю» Наполеону, возомнившему себя «исполином».

«Заметно, однако же, — писал о Державине Николай Васильевич Гоголь, — что постоянным предметом его мыслей, более всего его занимавшим, было — начертать образ какого-то крепкого мужа, закаленного в деле жизни, готового на битву не с одним каким-нибудь временем, но со всеми веками; изобразить его таким, каким он должен был возникнуть из крепких начал нашей русской породы».

Чтобы глубже ощутить красоту и силу поэзии Державина, сегодняшнему читателю надо перенестись воображением в старинный Санкт-Петербург, заглянуть за массивную, но кажущуюся удивительно легкой решетку Летнего сада, вспомнить скульптуру и живопись Эрмитажа — Зимнего дворца, в котором по долгу службы стоял на часах поэт-мушкетер, и тогда станет ясно, что пластика державинского стиха сродни изваяниям богов, созданных величайшими мастерами прошлого. И не диво, что выросший в Царско-сельском лицее Пушкин с таким воодушевлением вспоминает о присутствии старого вельможи на экзамене в январе 1815 года. Позже, работая над восьмой главой романа «Евгений Онегин», Пушкин снова вспомнил дни юности:

Старик Державин нас заметил
И, в гроб сходя, благословил.

Скончался Гаврила Романович 20 июля 1816 года в своем имении на берегу Волхова. Прах его покоится у стены Софийского собора в Новгородском кремле.

Есть у Державина строки, предварившие своей художественной образностью знаменитый пушкинский «Памятник»:

С Курильских островов до Буга,
От Белых до Каспийских вод
Народы, света с полукруга,
Составившие россов род,
Со временем о мне узнают...

Со временем... Это предвидение Гаврилы Романовича оказалось пророческим. При Екатерине Второй и Павле Первом круг его читателей ограничивался грамотными людьми дворянского сословия. В XIX веке державинские строки зазвучали в стенах городских гимназий, под убогими кровлями еще малочисленных сельских школ. И только сейчас, при советском строе, все лучшее в творческом наследии Державина стало достоянием каждого культурного человека.